

- Sedov, A.V., Vinogradov, Ju.A. 2007: Le temple Kafas/Na'man (Raybun V): description archéologique. In: S. Frantsouzzoff, *Raybūn. Kafas/Na'mān, temple de la déesse Dhāt Himyam*. Avec une contribution archéologique d'Aleksandr Sedov et de Jurij Vinogradov. Paris–Rome, 22–25 (IDIS 6).
- Stein, P. 2010: The Monetary Terminology of Ancient South Arabia in Light of New Epigraphic Evidence. In: M. Huth and P.G. van Alfen (eds), *Coinage of the Caravan Kingdoms. Studies in Ancient Arabian Monetizations*. New York, 303–343.
- Tobi, Y. 2013: The Jews of Yemen in light of the excavation of the Jewish synagogue in Qani' (poster). *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 43, 349–356.
- Van Beek, G.W. 1956: A Radiocarbon Date For Early South Arabia. *Bulletin of the American School of Oriental Research* 143, October, 6–9.
- Van Beek, G.W. 1969: *Hajar Bin Humeid. Investigations at a Pre-Islamic Site in South Arabia*. Baltimore.
- Vinogradov Ju.A. 1996: Arkheologicheskie issledovaniya na uchastke zdaniya 6 [Archaeological Investigations at the Area of the Building 6]. In: A.V. Sedov, P.A. Gryaznevich (eds), *Gorodishche Raybun (raskopki 1983–1987 gg.)*. *Trudy Sovetsko-Yemenskoj kompleksnoy ekspeditsii*. Tom II [Raybun Settlement (1983–1987 excavations). Preliminary Reports of the Soviet-Yemeni Joint Complex Expedition. Vol. II]. Moscow, 68–84.
- Виноградов, Ю.А. Археологические исследования на участке здания 6. В кн.: А.В. Седов, П.А. Грязневич (ред.), *Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.)*. *Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции*. Том II. М., 68–84.
- Walker, J. 1937: A New Type of South Arabian Coinage. *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society*. 5th series. Vol. XVII. London–Paris, 260–279.

Alexander V. Sedov
The State Museum of Oriental Art,
Moscow, Russia
asedov@orientmuseum.ru

А.В. Седов
доктор исторических наук,
генеральный директор
Государственного музея Востока
Москва, Россия

Mikhail D. Bukharin
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
michabucha@gmail.com

М.Д. Бухарин
доктор исторических наук,
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Vestnik drevney istorii
76/3 (2016), 801–809
© The Author(s) 2016

Вестник древней истории
76/3 (2016), 801–809
© Автор(ы) 2016

H. TUMANS. Varoņi un varoņība Senajā Grieķijā. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2015. 896 lpp.*

Важным событием в научной жизни Латвии стал выход в свет весной 2015 г. книги профессора историко-философского факультета Латвийского университета Харийса Туманса «Герои и героизм в Древней Греции»¹. К сожалению, российским читателям это объемное издание (ок. 800 страниц основного текста) практически недоступно в силу малого тиража и того, что книга написана на латышском языке. Поэтому автор рецензии, помимо общей характеристики и критики, постарался кратко передать содержание книги (конечно, он вынужден был допускать некоторые упрощения).

Книга является итогом важного этапа научного пути Х. Туманса. Над ней он работал долго – более пяти лет, а о многих вошедших в нее сюжетах писал еще и до того, как у него возникла идея подготовить данную монографию. В ряде вопросов данное издание перекликается с предыдущим

* Автор рецензии выражает благодарность И.Е. Сурикову за помощь в ее подготовке.

¹ За подготовку этой книги Х. Туманса признали историком 2015 года в Латвии. См. *Izglītība un kultūra*, 10.03.2016, № 2. 2. лр.; *Latvijas avīze*, 09.03.2016, № 48. 5. лр.

исследованием автора «Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.)»², развивая некоторые намеченные в нем темы и сюжеты.

Несмотря на то, что работа издана на латышском языке, Харийса Туманса следует относить к российской школе исследователей античности. Первую свою, уже упоминавшуюся монографию он написал на русском языке и издал в России, как и большинство статей. Его причастность именно к российской школе видна практически с первых страниц повествования – широко используются книги на русском языке или в русском переводе, например, работы А. Тойнби, Н.Д. Фюстель де Куланжа, О. Шпенглера, Ф. Шахермайра³ и др. Автор учился на историческом факультете Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета, где специализировался по кафедре истории Древней Греции и Рима (окончил в 1992 г.). Он является учеником крупнейшего специалиста по истории Древней Греции проф. Э.Д. Фролова и получил достаточно основательную подготовку в рамках еще советской школы антиковедения. В 1990-х годах Туманс несколько раз стажировался в западноевропейских университетах (Германия, Швейцария). Необходимо также отметить, что латвийской антиковедческой школы как таковой нет; автор рецензируемой книги – единственный в Латвии историк античной Греции. Курс истории древнего мира в Латвийском университете до него читали преподаватели, не являвшиеся специалистами в данной области⁴.

Работа предваряется обширным предисловием, где автор с первых строк заявляет о своем исследовательском подходе. Он начинает с констатации того факта, что феномен «греческого чуда», несмотря на существующую огромную литературу, так и остается не до конца понятным. Но почему это так и в чем же причины небывалого культурного подъема Эллады? Культура, по мнению Туманса, есть живой организм, в ней нельзя разобраться исключительно методами, подходящими для исследования неживых предметов (измерить, взвесить, посчитать). Вслед за Шпенглером автор полагает, что культура создается людьми и является в первую очередь продуктом мышления; следовательно, ее можно сравнить с живым организмом, обладающим иррациональной душой, поэтому при ее исследовании нужен подход, сходный с подходом психолога. Одним словом, считает автор, подход к проблеме должен быть междисциплинарным. Кроме того, он пытается изучать историю через культуру, а не наоборот, как часто делается (с. 8–9).

Культура возникает на основе определенного мировоззрения и базирующейся на нем системы ценностей. Ее структурирующими элементами являются общественные идеалы. Соответственно, как утверждает Туманс, и культура познаётся прежде всего через картину мира и систему ценностей и идеалов. В качестве базового для древнегреческой культуры автор полагает героический идеал, и вся монография посвящена изучению этого феномена (с. 10). Ученый исходит из того, что, рассмотрев его в развитии, можно будет лучше понять отдельные моменты греческой истории.

Автор противопоставляет два подхода к изучению истории – с позиций по преимуществу социально-экономического детерминизма и с позиций культурного детерминизма, отдающего приоритет ментальным факторам. Туманс является сторонником второго подхода и полагает, что основные мотивации в истории задает не экономика, а мышление людей, поскольку экономика, по его мнению, тоже является продуктом мышления (с. 10, 12–13, 16, 18).

Затем он затрагивает вопрос о двух способах написания истории – позитивистском, выражающемся в скрупулезном изучении мелких фактов, и концептуальном, обобщающем (с. 11, 15, 20). Сам он выбирает второй путь, поскольку ставит перед собой цель взглянуть на историю Древней Греции сквозь призму социального идеала героизма. При этом Туманс отстаивает право автора на собственную интерпретацию и утверждает, что историк не может быть полностью объективным, так как он человек и несет на себе личностный груз, которого не может сбросить. Однако, утверждается далее, историк должен быть предельно честным при работе с фактами. И, кроме того, для того, чтобы история была общественно полезна и имела смысл не только для самих авторов, она должна быть написана живым, понятным языком. Туманс напоминает, что история – это еще и литература: про это не нужно забывать (с. 12, 20–21).

Задачей своего исследования автор считает решение вопроса о появлении и развитии идеи героизма, а также о том, как это повлияло на культурные и общеисторические процессы в Древней Греции. Он пытается посредством такого анализа понять основные моменты истории античной Греции в целом (с. 10–11).

В предисловии Туманс определяет и предмет исследования. Для него это не мифические герои, как Геракл, Тесей и другие, а живые люди, которые следовали героическому идеалу, заложенному в

² Tumans 2002.

³ Fustel de Coulanges 1906; Schachermeyr 1984; Spengler 1993; Toynbee 1991.

⁴ Востоковед проф. И.П. Вейнберг (1922–2011) преподавал не в Риге, а в Даугавпилском педагогическом институте.

мифах (с. 22–24, 103). Там же он высказывает свое понимание того, какие личности являлись героями в понимании греков: это люди, находящиеся в ореоле славы, связанные с богами (последнее придавало персональную харизматичность). В то же время герой – не бог, он действует всегда на грани жизни и смерти, в критический момент он бросает вызов судьбе; его героизм и заключается в том, что он готов умереть ради своего идеала. Туманс пишет, что героизм начинается там, где кончается страх и, прежде всего, страх смерти. Поэтому, чтобы понять суть героизма, следует понять те ценности, которые оказываются выше ценности самой жизни.

Историография проблемы героизма как культурно-исторического и ценностного феномена Древней Греции, как считает автор, отсутствует, поэтому невозможно дать ее обзор. Многие ученые, пишет Туманс, затрагивали лишь отдельные аспекты этой проблемы; они не ставили ее во главу угла всей системы ценностей, присущей греческой культуре (с. 11).

Книга состоит из четырех разделов (больших блоков, которые в принципе могли бы быть изданы как самостоятельные монографии); последние, в свою очередь, из подразделов. Общий ход изложения следует хронологическому порядку: от Гомера до эпохи эллинизма (первый раздел посвящен теме героев и героизма в «гомеровском обществе», второй – той же теме в период архаики, третий освещает эпоху классики, включая позднюю, четвертый и последний – время Александра Македонского и эпоху эллинизма). Таким образом, реконструируется ход событий от возникновения героизма и до его угасания. Разбивка по разделам фактически соответствует традиционной периодизации истории Древней Греции. Однако само по себе содержание книги является выражением своеобразной концепции эллинской истории и культуры с попыткой по-своему объяснить культурный взлет греков и последовавшее падение. Каждый раздел начинается с общей характеристики рассматриваемой эпохи, а затем автор переходит к теме героизма.

Тема героев, как указывает историк, впервые появляется у Гомера, что влияет на всю дальнейшую греческую культуру, придает ей столь характерный в дальнейшем агональный характер (с. 125–126)⁵. Состояние «гомеровского общества» (в первом разделе, «Время героев»), характеризуется как бесконечное противостояние, борьба всех против всех⁶. Однако борьба эта шла между сильными и смелыми людьми, а власть приобреталась путем победы в битве или путем наследования (чаще первым). Герои того времени были представителями элиты. Прежде всего к ним следует относить басилеев, власть которых основывалась на почете, уважении и личной харизме (никакого аппарата принуждения в их руках не было), благодаря чему они получали и материальные блага. При проявлении слабости статус героя и материальное благополучие легко было утратить (с. 41–45, 50).

Мир героев, описанный Гомером, по мнению Туманса, не есть поэтическая фикция. Да, это описание идеального мира, но также и реального; ведь в то время, считает автор, люди пытались соответствовать идеалам. Кроме того, в эпосе действовали конкретные личности со своими индивидуальными особенностями. Дополняет данные, почерпываемые из Гомера, геометрическая керамика той же эпохи, демонстрирующая гармоничность мироустройства и роль человека в нем (с. 86–87).

Автор сосредоточивает свое внимание не на социологической стороне вопроса, а на анализе гомеровского текста, анализируя внутреннюю логику поведения эпических героев. В результате Туманс определяет характерные черты героев Гомера – храбрость, силу, красоту (физическую), – которые, как считалось, давались им богами (с. 52–53, 55). При этом героизм заключал в себе не только физические, но и духовные качества – ум, честь и щедрость (с. 62, 65).

Туманс выстраивает иерархию героев: наиболее видные, по его мнению, ассоциируются со львами, более слабые – с вепрями, те, что стоят еще ниже, – с волками и т.д. (с. 67–69). Лев – герой с большой буквы, волк – человек гораздо более низкого уровня (с. 74). Каждый слушатель Гомера должен был понимать, кто он и на какую роль может претендовать (с. 76). Эталон героя – это, конечно же, Ахилл (с. 54). На наш взгляд, данная схема выглядит несколько искусственной, ибо лишь некоторые герои гомеровского эпоса ассоциировали себя со зверями, и обобщение здесь неуместно.

Талантливо в литературном смысле описан Тумансом сюжет противостояния Ахилла и Гектора. Без сомнения, как говорит исследователь, бой двух героев – это кульминация «Илиады». Оба знают, что скоро погибнут (Гектор понимал, что Троя обречена и скоро падет, так что нет смысла в его поединке с Ахиллом), но все равно идут в бой, поскольку для истинного героя во главе угла стоят прежде

⁵ Даются ссылки на: Zaytsev 2001, 113, 123; Adkins 1960, 43.

⁶ Ранее такое состояние общества именовали «военной демократией» и считали, что все народы прошли через это. Воспоминания об эпохах Великого переселения народов или о викингах в народных традициях сохранились в виде легенд и полумифологических повествований (исландские саги, рассказы о короле Артуре и т.п.). Кроме того, современная наука создала ряд теорий относительно механизмов власти и распределения материальных благ в таких сообществах. См. Tolstov 1935; Kosven 1960; Budanova 2011; Šnē 2002; Matthews 2004.

всего долг и честь. Фрагмент с бегством Гектора от Ахилла вдоль стен Трои, по мнению автора, Гомер описал как охоту (в качестве дичи выступает, разумеется, Гектор). Гектор и Ахилл определяются в книге как герои разных типов. Предводитель троянцев, – пожалуй, самый человечный из персонажей «Илиады». Ему свойственны страх, сомнения (чего нет у полубога Ахилла), но он все-таки герой с большой буквы (с. 95, 107, 112–117)!

Вторая часть монографии, «Герои в круговороте перемен», посвящена периоду архаики (VIII – нач. V в. до н.э.). Опять же, в ее начале дается краткая и достаточно традиционная характеристика эпохи. Однако акцент делается на том, что в это время на первый план выходят люди ранее неизвестного типа – торговцы и ремесленники. Именно они постепенно вытесняют героев-аристократов предыдущей эпохи (с. 129–130).

Перемены в настроениях людей отражены в творчестве младшего современника Гомера – Гесиода. Он смотрел на мир совсем другими глазами, ничего не говорил про войну и мало что про героев: это его не интересовало. Зато в поэме «Труды и дни» он подробно описывал обыденную крестьянскую жизнь. А в другом своем произведении, «Теогонии», этот автор лишь обобщил известную ему мифологию (включая и космогонические представления) (с. 131–134).

В VII в. до н.э. на смену эпосу пришла лирика; вместо геометрической керамики появился ориентализирующий стиль, а несколько позже, в VI в. до н.э., чернофигурный. Парадигма культуры изменилась. Исчезли гармоничность и цельность мировоззрения, характерные для более раннего времени (с. 148–150).

Туманс дает краткий обзор поэзии периода архаики. Упомянуты Архилох (по мнению исследователя, он ставит в центр своего творчества себя самого с собственным отношением к вещам, ликвидирует тему героической этики, десакрализует войну, с. 150–152), Алкей, Анакреонт, Феогнид, Солон и др. (с. 152–160, 166–170). Особняком стоит Тиртей, у которого героизм приобретает политическую окраску. В его поэзии звучит голос рождающегося государства. Все возникающие греческие полисы пытались приспособить к своим нуждам старые идеалы героизма. Спарта в силу своей уникальности пошла дальше всех, в прямом смысле возложив на своих граждан обязанность быть героями (с. 162–164). Упоминается в данном контексте также Геродот: хотя жил он в эпоху классики, но в его труде многое несет на себе следы предыдущей эпохи – архаики. «Отцу истории» присущи негативные оценки торговли и денежной экономики, расцениваемых как признак моральной деградации общества. Кратко рассказывается о первых философах, поставивших своей целью поиск истины. Однако не их настроения были преобладающими (с. 171–172, 177).

Новое время породило и новую технику ведения боя – тактику фаланги. Теперь отдельные воины, сколь бы они ни были искусны, не могли противостоять этому строю. Беспольной против фаланги оказывалась и кавалерия. Все это вытесняло аристократию с ранее монополизированного ею поля деятельности – войны – и отдаляло ее от политической власти (с. 183, 186–187). Богатства и высокого статуса, пишет Туманс, теперь могли добиться скорее удачливые дельцы, а не носители старинных ценностей (с. 190). Представители аристократии часто реагировали на наступление «новых времен» публичной демонстрацией старых моральных ценностей (пример тому – Феогнид). Происходило идейное столкновение двух мировоззрений (с. 192, 194).

В новых условиях, как пишет исследователь, изменился характер героизма. Теперь его главной чертой была не доблесть в сражении с врагами, а сохранение старых принципов, когда они не в почете, внутренняя борьба, противостояние власти денег и толпы (с. 203–204).

Для периода архаики характерны поиски лучшего в прошлом и попытки искусственно «составить» настоящее (с. 205). Характерный пример – Лелантская война (конец VIII – середина VII в. до н.э.), происходившая на острове Эвбее. Ее участники съезжались будто бы со всей Греции (как на Троянскую войну). Они старались строго следовать нормам, принятым героями Гомера, договорились, что будут использовать только оружие ближнего боя. Война велась по законам чести (с. 205, 209–211), выливаясь в своеобразную серию рыцарских турниров. Но в дальнейшем аристократический мир стал стремительно деградировать (с. 212).

В более поздние времена простором для деятельности аристократов-героев стали спортивные состязания в Олимпии, Дельфах и других местах. С поля боя агон переместился на стадионы (с. 214). Воспевавший эти соревнования Пиндар подчеркивал, что главное – это харизма. Без харизмы нет победы, славы и почета (с. 216–218). Победители Олимпийских игр могли претендовать на политическую власть (с. 222).

Феномен старшей тирании Туманс также объясняет через феномен харизмы. Тиранами становились те, кто утвердил свою индивидуальную власть в полисе, причем часто путем захвата ее силой и объявления этого волей богов (с. 223–225). По мнению исследователя, такая практика соответствовала традиционным моральным нормам, согласно которым власть должна принадлежать достойнейшим (как басылеям у Гомера). Данный тезис иллюстрируется примерами: Килоновой смуты,

историей с Писистратом, а также другими, менее известными (с. 230–235, 239–257). В конце концов, делается достаточно парадоксальный вывод: тирания – это попытка реставрировать прошлое (принимая во внимание, что большинство из тиранов были аристократами по происхождению, да и действовали они старыми методами, прежде всего силой, с. 259–260)⁷.

Коротко затрагивается вопрос о переселении греков в колонии и о мире пиратов. Туманс считает, что пиратство, известное уже во времена архаики, в понимании людей этого времени считалось достойным занятием (добычей материальных благ посредством оружия).

Во второй части автором делается общий вывод, что и в период архаики место для героев сохранялось, однако началась острая идейная борьба. Аристократы – герои со своей моралью и культурой – противостояли ростовщикам, торговцам и т.п. (с. 293–295). Читателю тут становится абсолютно понятным, что в этой главе носителями героического идеала у Туманса выступают исключительно аристократы и потому речь в ней идет о различных проявлениях аристократической культуры.

Третья часть книги – «Герои в период классики» – традиционно начинается с краткой характеристики эпохи. Далее автор переходит к рассмотрению темы о государстве, так как именно оно в указанный период существенно воздействовало на героев и идеи героизма в целом. Свою концепцию государства у греков Туманс ранее изложил в статье «К идее государства в архаической Греции»⁸; в книге автор по большей части повторяет тот же материал. Таким образом, если в период архаики героям удавалось приспосабливаться к новым условиям, то теперь, по утверждению автора, возник их серьезный конфликт с государством. То, что большая часть известных героев той эпохи жила именно в Афинах, весьма симптоматично (с. 326): ведь именно в этом полисе было учреждено демократическое устройство, породившее всевластие толпы. Однако сами же аристократы проводили реформы, которые привели к демократии. Как это объяснить? – ставит вопрос автор (с. 327). Ответ он находит в их идеалах, этике, стремлении к славе и почету. Кто-то из аристократов ставил своей целью общее благо (как, например, Солон), но все они стремились к славе и власти, хотели управлять толпой, но в итоге теперь они сами зависели от этой толпы и притом с нею постоянно конфликтовали (с. 322–328, 330).

Постепенно автор подходит к Периклу, который в его глазах не кто иной, как предатель аристократии. Ведь даже как полководец, т.е. на сугубо аристократическом поприще – на войне, аристократ по происхождению Перикл действовал совершенно по-иному, нежели старые герои: был осторожен, не рисковал и т.п. В политике он всячески заискивал перед толпой. Да и как человек он не был столь уж симпатичным, как его изображает современная нам литература. Слава его возникла через много лет после кончины. Благодаря Периклу, отмечает исследователь, в Афинах закончился период аристократической культуры и началась повсеместная плебизация (в политике он приводит пример Клеона, с. 396, 400–401).

Наследием Перикла стала Пелопоннесская война, в ходе которой были изжиты старые героические идеалы, и сама война превратилась в бойню. Для греческого мира она сыграла ту же роль, что две мировые войны в истории Европы XX в. Как эти мировые войны потрясли основы европейской культуры, так и Пелопоннесская война сломала хребет древнегреческой культуры. Из войны эллины вышли совсем другими людьми. Сам ход этого вооруженного конфликта приобрел «плебейский» характер, поскольку место кодекса чести занял голый прагматизм. Главным теперь считалось не проявление честности в борьбе, а достижение практического результата, и не важно, каким способом. В ходе долгой войны постоянно нарушались традиционные моральные нормы, начали распространяться религиозный скептицизм, эгоцентризм, релятивизм и др. После ее окончания, заключает Туманс, увеличилась политическая нестабильность всего греческого мира (с. 402, 404).

Однако уничтожить душу культуры не так-то просто, и поэтому греческая культура и в таких неблагоприятных обстоятельствах продолжила существовать. Смерть ее наступила только тогда, когда умерли идеалы, но случилось это позже (с. 405). Автор идет по стопам О. Шпенглера, несколько приспособив его концепцию под свои нужды (ср. шпенглеровский тезис о том, что культура есть живой организм и проходит те же стадии развития – рождение, юность, зрелость, старость и смерть⁹).

Тем не менее, пишет ученый, в ходе Пелопоннесской войны произошел некоторый ренессанс старых идеалов (в чем, пожалуй, он сам себе противоречит, так как только что рассуждал об их полном упадке). Появляются такие люди, как Алкивиад – харизматический лидер, но с характерным для того времени рационалистическим мышлением (с. 405, 415). Думается, однако, что Алкивиад был обычным авантюристом, не лишенным талантов, поэтому оценки этой личности автором мы считаем преувеличенными.

⁷ Также см. Tumans 2001.

⁸ Tumans 2006.

⁹ Spengler 1993, 151, 157, 262, 265 и др.

Персонаж того же ряда – Лисандр. Он был крайним прагматиком, поэтому, по мнению Туманса, не годится на роль героя. Но, поскольку именно под его руководством Спарта добилась победы, Лисандра стали всячески прославлять и искусственно героизировать (с. 422–423).

В несколько иной ситуации оказался Агесилай. Он пытался соответствовать старым идеалам героизма (подражал Агамемнону и др.), но не мог изменить ход истории, да и дальше подражания дело у него зачастую не шло. То, что в конце жизни он воевал в качестве наемника, вообще стало предательством идеалов героизма. Он хотел быть героем, но не смог им стать, заключает автор (с. 425–427). Нужно отметить, что такая оценка Агесилая звучит неубедительно. У того же Гомера наемничество не порицается, да и деньги Агесилай добывал для Спарты, а не себя лично.

Затем исследователь останавливается на феномене младшей тирании, указывая, что, как и в случае с периодом архаики, тираны этой генерации обычно были военачальниками (с. 429). Достаточно подробно Туманс пишет про Дионисия Старшего, характеризуя его как самого достойного из них, как умного человека, который своими достижениями обязан был прежде всего своей харизме. Главным в его деятельности была война. Однако и тут прослеживаются явные следы «нового времени», в частности, прагматизм (в своих действиях Дионисий не ограничивал себя какими-то моральными нормами и др., с. 431, 435, 437–439). Одним словом, в V–IV вв. до н.э. тенденции по вытеснению аристократической культуры и героизма в эллинском обществе нарастали (с. 445–447).

Далее следует раздел, посвященный героям в культуре (с. 448–503). Расцвет театрального искусства связывается автором с временем утверждения идеи государства в V в. до н.э. (с. 448). Главным в театре Туманс считает трагедии с их поучающей функцией и героями, взятыми зачастую из Гомера. Анализируется главным образом творчество Софокла, другие классические драматурги упоминаются реже. Автор объясняет это тем, что именно в творчестве Софокла наиболее ярко отразились новые тенденции в понимании героизма в переломную эпоху.

Важная персона эпохи – Сократ. В книге отмечается, что героем его следует считать не только из-за обстоятельств смерти, но и в результате всей жизни. Не будучи еще философом, в молодости он принимал участие в походах афинян и проявил себя как храбрый боец. В дальнейшем весь образ жизни и мысли Сократа свидетельствовал о принадлежности его к героям (тут в работе фигурируют и пренебрежительное отношение философа к толпе, и критика им софистов за беспринципность, и осуждение демократии); на все вещи, считает исследователь, Сократ смотрел сквозь призму этики, понимаемой им как поиск добродетели, и слова его не расходились с делами. Даже перед лицом смерти мыслитель не отступил от своих принципов. Причем его позиция не была обусловлена социальным статусом; Сократ, по словам Туманса, реализовал героизм нового типа – внутренний героизм духа¹⁰.

В эпоху классики, как говорит автор, максимально обострились все проблемы греческого мира. Ценности героизма все более вытеснялись культурой дельцов и торговцев. Государство становилось замкнутой, самодовлеющей системой и стремилось подчинить себе индивида. В результате принцип полиса и принцип харизмы оказались в неразрешимом противоречии. В том же контексте возникла коллизия между реальной повседневной жизнью и слабо согласующимися с нею духовными основами культуры, ее идеалами. Кроме того, IV в. до н.э. – время бесконечных войн, которые тоже подтачивали силы эллинского мира. Вытеснение аристократии в итоге приблизило общий крах культуры (с. 589–591). Греция периода поздней классики у Туманса предстает эпохой «постмодернизма», временем безверия, скептицизма и упадка морали (с. 423, 427).

Четвертая часть, «Лебединая песня героизма», посвящена особенно любимому герою автора – Александру Македонскому. В ее начале дается краткий анализ состояния Македонии в V–IV вв. до н.э., отмечается, что македоняне были очень близки грекам, но не являлись ими в полной мере. Несмотря на то, что они испытывали на себе сильнейшее влияние греческого мира, даже в IV в. до н.э. македоняне не знали полисной организации общества¹¹, жили во многом при старых патриархальных порядках и тем самым не стали жертвой деградации, как греки. Александр с детства чувствовал себя человеком двух культур, в нем объединялось греческое образование и македонская архаика, что, по мнению автора, и объясняет его феномен (с. 601–602). Очень кратко делается обзор обстоятельств прихода Александра к власти и его восточной кампании (с. 603–607).

Далее автор переходит к весьма пространной характеристике самого вышеуказанного персонажа. Он отмечает, что в системе ценностей и поведении Александра были воплощены все характерные черты древних героев: мужество, религиозность, мудрость, честность, щедрость, снисходительность к поверженным врагам и, наконец, физическая красота. Подтверждается это на множестве примеров. Так, свою жизнь Александр воспринимал, считает Туманс, в этических категориях (с. 608–609, 612,

¹⁰ Сократу в книге посвящено более 80 страниц (с. 503–589).

¹¹ Для IV в. до н.э. утверждение сомнительное (см. Hatzopoulos 2001, 189–199).

615–616, 619, 624, 647–648, 735). Нельзя исключить, что посредством военного похода он пытался наконец-то разрешить давний конфликт Запада и Востока, о котором писал еще Геродот (с. 690–691).

Еще одним ключом к разгадке феномена Александра Туманс считает подражание (μίμησις) героям Гомера (с. 736). «Илиаду», бывшую его излюбленной книгой, царь знал наизусть, а также частично и «Одиссею» (с. 687–688). В проявлении эмоций сознательно или бессознательно он подражал Ахиллу (с. 696), а оказавшись в Азии, почти сразу направился в Трою и совершил там жертвоприношения (с. 692).

Александр считал себя последователем древних героев, верил, что Ахилл и Геракл были его предками и через них он является потомком самих богов. Со временем его провозгласили сыном Зевса, а потом – и воплощенным в человеке богом. По возвращении из Индии в 324 г. до н.э. было издано предписание всем греческим городам чтить Александра как бога. В греческом искусстве он также изображался как сверхчеловек, причастный к божественному (его образы в античном искусстве одновременно идеализированы и реалистичны, с. 615–617, 700, 704, 710, 718).

Александр, считает Туманс, в каждой битве был верен идеалам македонского аристократического кодекса чести (включавшего в себя храбрость, быстроту и личный пример). Сражался он всегда в первых рядах, благодаря чему пользовался большим авторитетом у солдат. В противостоянии его с предводителем персов Дарием Туманс находит параллель с противостоянием Ахилла и Гектора. Дарий убегал от Александра, как Гектор от Ахилла, но, в отличие от Гектора, у Дария так и не хватило духа сразиться с противником в единоборстве (с. 604, 637, 644–646, 651).

Необычной выглядит трактовка автором обстоятельств кончины великого героя. Туманс убежден, что Александра отравили: ведь жизнь крепкого и молодого человека не могла так просто прерваться лихорадкой. В своей смерти он опять «повторил» Ахилла. Если Пелид погиб от стрелы Париса, то Александр, видимо, от яда Антипатра. Оба героя пали от рук посредственностей (суждение странное, ибо то, что Парис и Антипатр уступали Ахиллесе и Александру как воители, вовсе не доказывает их посредственности). Символично, пишет автор, что жизненная миссия Александра закончилась в зените славы, в период апофеоза (с. 734–735). Время Александра – это последний, предсмертный триумф идей героизма, заключает исследователь (с. 739).

Своего рода заключением выступает в книге раздел «Post scriptum. Закат героизма», посвященный идее героизма в эпоху эллинизма. Туманс указывает, что Александр, скорее всего, сознательно не назначил себе преемника, считая, что власть должна достаться сильнейшему (с. 735). Еще не успели его похоронить, как за наследство царя разгорелась борьба, но среди преемников покойного – диадохов – не было ни одного, кого хоть отдаленно можно было бы сравнить с Александром (с. 740–741).

Имя последнего практически сразу превратилось в символ. Культ Александра стал использоваться для легитимации власти. Ему подражали, и храбрости в бою многим было не занимать, но не хватало настоящего духа героизма и героической этики. Именно в этом диадохии принципиально отличались от Александра. Они были подражателями, имитаторами, а не настоящими героями (с. 741–742, 744–745). В период борьбы диадохов могли появляться яркие личности (как Деметрий Полиоркет); тему героизма принаравливали к политическим целям, но в реальности идеалу никто не соответствовал (с. 750, 754). Для эпигонов идея героизма не была актуальна. Их власть основывалась на принадлежности к династии, а не на персональных качествах. В итоге происходила деградация, и последние из эллинистических правителей представляли собой совсем жалкое зрелище (с. 760).

В эпоху диадохов и эпигонов крупной фигурой стал Пирр из Эпира. Лишь его одного в древности сравнивали с Александром. Планы этого царя были грандиозны, а таланты велики. Даже по своему происхождению он был родственником великого полководца (с. 760). Так как теперь «образцовой моделью» героя был Александр, то Пирр подражал именно ему, а не персонажам Гомера. Однако управлял Пирр всего лишь захолустным Эпиром, что ограничивало его возможности. На войну против Рима он отправился не для того, чтобы остановить экспансию последнего, а прежде всего для завоеваний на Западе – направлении, противоположном Востоку: с помощью этого Пирр хотел стать вторым Александром. Но победить Рим он не смог. Если бы Пирр воевал с другим полководцем одного с ним порядка, то, несомненно, победил бы; но бороться против Рима с его мощной военной организацией и огромными людскими ресурсами ему было не под силу (уже древние сравнивали Пирра с Гераклом, а Рим – с Лернейской гидрой). В результате эпирскому царю пришлось уйти из Италии (с. 760–761, 765–766, 771). Пирр для Туманса – последняя личность, претендующая на роль героя. Но так как он часто нарушал кодекс чести – грабил святилища, не соблюдал договоры, – героем в полном смысле этого слова его нельзя назвать, как и диадохов (с. 771–773). Таким образом, и в период эллинизма остатки старых идеалов сохранялись (с. 795).

В конце книги автор констатирует, что греческая культура создала два типа героев: воин-завоеватель (Ахилл, Александр) и этический герой (Сократ) (с. 775, 793–794). Эпилог содержит также ряд общих рассуждений о культуре и ее судьбе. Рубежи древнегреческой литературы, да и культуры в

целом, определяются автором так: от Гомера до Плутарха. Гомер открыл культуру, Плутарх ее завершил, т.е. систематизировал (героизм тогда был уже в далеком прошлом). Именно на этом хронологическом отрезке культура эллинов сформировалась, реализовалась и умерла (с. 786–787).

Еще более четко формулируется автором другое положение: культура рождается, когда появляются идеалы, дающие стимул и мотивацию для деятельности людей, а умирает вскоре после того, как те уходят в небытие. Вот и греческая культура возникла, когда появился идеал героизма, и умерла, когда этот идеал исчез (с. 787, 789).

Книга снабжена рядом иллюстраций; некоторые из них достаточно известны и уже не раз публиковались в научных изданиях (например, вазописные изображения), другие же являются фотографиями музейных экспонатов, сделанными самим автором в Греции и др. В списке литературы указано 935 наименований различных изданий (213 из которых на русском языке). Книга также снабжена именным указателем и короткой аннотацией на английском языке (с. 797–799). В целом научный аппарат отвечает уровню солидного академического издания.

На наш взгляд, работа выиграла бы, если бы автор был более лаконичен. В книге имеются повторы. Многословие и пересказ общеизвестных фактов можно, однако, в какой-то мере счесть оправданными, если учитывать ограниченность выбора книг по античности на латышском языке. На нем в этой области во многом даже не разработана терминология, непонятно, как писать те или иные античные имена или географические названия (особенно если это касается малоизвестных текстов, произведений искусства и т.п.).

Стиль изложения в книге местами традиционный и суховатый, но некоторые разделы написаны очень эмоционально. Туманс дает яркие характеристики описываемых персонажей. Четко видно его отношение к ним, присутствует много сравнений с современными реалиями. Одним словом, текст не оставит равнодушным читателя, даже мало знакомого с историей и культурой Древней Греции. Поэтому научная и общеобразовательная функция книги велика. Х. Туманс – специалист квалифицированный, фактический материал излагает в целом корректно. Спорить с ним можно по поводу общей концепции и интерпретаций, но не по поводу самих фактов, собранных в книге.

Чтобы в полной мере разобраться в подходе Туманса, следует учитывать, что главным предметом изучения он выбрал историю этического и социального идеала. Он попробовал посмотреть на историю сквозь призму этого идеала, и его попытка сама по себе представляет интерес. Однако можно возразить, что выработанные обществом идеалы зачастую мало соответствуют серой и малопривлекательной действительности. Даже в период их наибольшего влияния на умы в реальной жизни им мало следуют. Аристократы, как правило, свою культуру и идеалы примеряют лишь на себя, не пытаясь распространить их на все общество.

Кроме того, в процессе развития происходит институционализация организации общества, что приводит к попыткам закрепить особые права и должности за узкой группой лиц. Теперь не личная доблесть, а происхождение или ловкость становятся более важными моментами для занятия выгодных позиций (в условиях афинской демократии – заигрывание перед толпой, в бюрократических государствах – умение выслужиться перед начальством и т.п.). Все это достаточно естественно, происходит везде, хотя с моральной точки зрения выглядит некрасиво. Сам же по себе дух героизма здесь ни при чем. Его порождают определенные обстоятельства.

Что касается рыночной экономики, сами аристократы в Древней Греции постепенно втягивались в торговлю, ведение рыночного хозяйства и пр., причем кодекс чести подчас не являлся для них преградой¹². Другое дело, что в этих условиях от знатных дельцов требовались иные качества, чем доблесть в бою.

Исходя из вышесказанного, мы не согласны с общей концепцией книги Туманса. Героизм и тема героев, так же как и аристократии в целом, без сомнения, сыграли важную роль в истории античной Греции и ее культуры, но вряд ли решающую.

Думается, автор преувеличивает роль идейного фактора в истории. Увлекаясь психологическим анализом источников, он, как нам представляется, превращает историю в литературу, там самым становясь на позиции критикуемого им постмодернизма¹³. Его выводы – о поздней классике как времени «постмодерна», об отсутствии в должной мере героического начала у диадохов и др. – нередко субъективны.

Приходится констатировать, что по своим подходам Туманс, с одной стороны, является наследником советской школы антиковедения (в частности, в плане работы с фактологическим материалом; см., например, выводы по третьему разделу монографии), хотя от ее идеологической составляющей всячески отрешивается, с другой же стороны – сторонником идеалистических концепций нового и новейшего времени.

¹² Подробнее см. Tandy 1997.

¹³ Ср. Bryson 2001, 12.

Однако в целом следует признать, данная книга дает нам новый, оригинальный взгляд на историю и культуру Древней Греции. Концепцию автора можно принимать или отвергать, но несомненно то, что его труд является плодом огромной работы по осмыслению широкого исторического материала. Если Туманс подготовит к изданию русский вариант книги, то русскоязычный читатель получит возможность познакомиться с интересной и нетривиальной, хотя и не бесспорной концепцией автора. Думается, что его работа может вызвать широкий резонанс и породить дискуссии, столь полезные для развития науки.

Литература / References

- Adkins, A. 1960: *Merit and Responsibility: A Study in Greek Values*. Oxford.
- Bryson, V. 2001: *Politicheskaya teoriya feminizma*. [Feminist political theory]. Moscow.
- Брайсон, В. *Политическая теория феминизма*. М.
- Budanova, V.P. 2011: *Velikoe pereselenie narodov: etnopoliticheskie i social'nye aspekty*. [Great migration of peoples: Ethno-political and social aspects]. St. Petersburg.
- Буданова, В.П. *Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты*. СПб.
- Fustel de Coulanges, N.D. 1906: *Grazhdanskaya obshchina drevnego mira*. [Cité antique]. St. Petersburg.
- Фюстель де Куланж, Н.Д. *Гражданская община древнего мира*. СПб.
- Hatzopoulos, M.B. Macedonian Palaces: Where King and City Meet. In: I. Nielsen (ed.), *The royal palace institution in the first millennium BC: regional development and cultural interchange between East and West* (Monographs of the Danish Institute at Athens, I). Athens, 2001, 189–199.
- Kosven, M.O. 1960: К вопросу о военной демократии [On the problem of military democracy]. *Trudy instituta etnografii. Novaya seriya. Problemy istorii pervobytnogo obshchestva* [Works of the institute of ethnography. A new series. Problems of history of Prehistoric society] 54, 35–76.
- Косвен, М.О. К вопросу о военной демократии. *Труды института этнографии. Новая серия. Проблемы истории первобытного общества* 54, 35–76.
- Matthews, J. 2004: *King Arthur: Dark Age Warrior and Mythic Hero*. New York.
- Schachermeyr, F. 1984: *Aleksandr Makedonskiy* [Alexander der Grosse]. Moscow.
- Шахермайр, Ф. *Александр Македонский*. М.
- Spengler, O. 1993: *Zakat Evropy: Ocherki morfologii mirovoy istorii*. T. 1 [The der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Bd. 1]. Moscow.
- Шпенглер, О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Т. 1. М.
- Šnē, A. 2002: *Sabiedriba un vāra: sociālas attiecības Austrumlatvijā aizvēstures beigās*. Rīga.
- Tandy, D.W. 1997: *Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece*. Berkeley.
- Toynbee, A. 1991: *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow.
- Тойнби, А. *Постижение истории*. М.
- Tolstov, S.P. 1935: Voennaya demokratiya i problemy «geneticheskoy revoliucii» [Military Democracy and the problem of the «Genetic Revolution»]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of history of pre-capitalist societies] 7–8, 175–216.
- Толстов, С.П. Военная демократия и проблемы «генетической революции». *Проблемы истории докапиталистических обществ* 7–8, 175–216.
- Tumans, H. 2001: Ideologicheskie aspekty vlasti Pisistrata [Ideological aspects of the authority of Peisistratos]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4 (239), 12–45.
- Туманс, Х. Идеологические аспекты власти Писистрата. *ВДИ* 4 (239), 12–45.
- Tumans, H. 2002: *Rozhdenie Afiny: afinskiy put' k demokratii: ot Gomera do Perikla (VIII–V vv. do n.e.)* [The birth of Athen: The Athenian way to democracy: from Homer to Pericles (VIII–V centuries B.C.)]. St. Petersburg.
- Туманс, Х. *Рождение Афины: афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.)*. СПб.
- Tumans, H. 2006: K idee gosudarstva v arhaicheskoy Grecii [The Concept of State in Ancient Greece]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3 (258), 77–105.
- Туманс, Х. К идее государства в архаической Греции. *ВДИ* 3 (258), 77–105.
- Zaytsev, A.I. 2001: *Kulturnyy perevorot v Drevney Gretsii VIII–V vv. do n.e.* 2 izd [A cultural revolution in Ancient Greece 8–5 centuries B.C. 2nd edition]. St. Petersburg.
- Зайцев, А.И. *Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э.* 2-е изд. СПб.

Sergei Coja
Riga Anninmuizas secondary school,
Latvia, Riga
coja@baltinet.lv

Сергей Цоя,
магистр истории,
преподаватель Рижской
Анниньмуйжской средней школы,
Латвия, Рига